ВАЛЕРИО
ЭВАНДЖЕЛИСТИ

ТАЙНА ИНКВИЗИТОРА ЭЙМЕРИКА

18+

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ «УРАНИЯ»
ЛАУРЕАТ БОЛЬШОЙ ПРЕМИИ ВООБРАЖЕНИЯ

Великий инквизитор

Валерио Эванджелисти

Тайна инквизитора Эймерика

«Издательство АСТ»
1996

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)

Эванджелисти В.

Тайна инквизитора Эймерика / В. Эванджелисти — «Издательство АСТ», 1996 — (Великий инквизитор)

ISBN 978-5-17-157795-7

1354 год. Великий инквизитор Николас Эймерик отправляется вместе с войсками и королем Арагона усмирять восстание, вспыхнувшее на острове Сардиния. Говорят, что здесь люди поклоняются языческим богам, в воде таится опасность, а глава бунта, судья Мариано IV, способен исцелить любую болезнь одним прикосновением. Вскоре Эймерик поймет, что правда куда страшнее и невероятнее. Середина XX века. Австрийский психолог Вильгельм Райх попадает в тюрьму по обвинению в неуважении к властям и за продвижение своей новаторской теории устройства мира. В камере он неожиданно оказывается в изменчивом и кошмарном мире, где встречается с собственным обвинителем и судьей – страшным и неумолимым человеком по имени Николас Эймерик. Недалекое будущее. После катастрофы, постигшей Америку, Соединенные Штаты распались на несколько государств. В каждом из них царят суровые порядки, а всех преступников и нарушителей спокойствия ссылают в странную тюрьму под названием Лазаретто, о которой ходят самые страшные слухи. Несколько подростков отправляют именно туда, обвинив в неповиновении, и там им придется столкнуться с тайной, способной погубить весь мир.

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)

ISBN 978-5-17-157795-7

© Эванджелисти В., 1996
© Издательство АСТ, 1996

Содержание

1. Первый сеанс. Понедельник 7
2. Дети будущего (I) 11
3. Королевская галера 19
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Валерио Эванджелисти
Тайна инквизитора Эймерика

Valerio Evangelisti
Il mistero dell'inquisitore eymerich

* * *

© 1996 Valerio Evangelisti
© 2015 Mondadori Libri S.p.A., Milano
© Елена Рукомойникова, перевод, 2026
© Василий Половцев, иллюстрация, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

1. Первый сеанс. Понедельник

Послышался скрип. В стене открылась крохотная дверца, и оттуда выскочила монахиня-карлица ростом с гнома. Она молча подмигнула, стрелой пронеслась через всю камеру и скрылась в стене напротив, где появился выход, которого раньше не было. Райх в изумлении встал с койки и пошел в том же направлении. Створка двери закрылась с глухим стуком, став при этом прозрачной. Райх четко увидел силуэт японского воина, совершавшего харакири, рядом женщина в длинном одеянии и с высокой прической, закрепленной шпильками, в отчаянии прижимала руки к груди.

Кровь просочилась в щель под дверцей и быстро растеклась по мощеному полу. Потом дверца исчезла, и пятно вместе с ней.

В воздухе запахло горелым. Райх уже собрался снова лечь, но в этот момент его настиг противный голос охранника Кокса.

– Доктор Райх! Доктор Вильгельм Райх!

Он неохотно пошел к решетке, по пути взглянув на календарь. Чистый лист. Видимо, меняя месяц, случайно повесил его задом наперед. Райх перевернул календарь, но и там увидел пустой лист с одной-единственной надписью: «ПОНЕДЕЛЬНИК». Он махнул рукой и пошел спросить, что понадобилось Коксу.

– Доктор, для меня всегда большая честь разговаривать с вами, – насмешливо воскликнул тюремщик. Его длинный хобот, начинавшийся прямо между глаз, холодных и неподвижных, как у акулы, доходил почти до пола. – Вас ждет новый пациент.

Райх вгляделся в темноту за спиной тюремщика.

– Какой пациент? Я никого не ждал.

Кокс зашелся в приступе сухого скрипучего смеха.

– Разве? А как же тот тип, который все боится стать шизо… как его…

– Шизофреником?

– Точно! Вот, помните же! Погодите, сейчас я его впущу. – Пальцы Кокса пробежали по связке ключей на огромном металлическом кольце, висящем на поясе. Замок скрипнул, затем часть решетки как будто растворилась. – Прошу вас, господин, проходите, – сказал Кокс с неожиданным пиететом. – Доктор Райх – тот, кто вам нужен. Знаете, в свое время он был знаменитостью. – Хобот тюремщика затрясся, будто пытаясь уловить аромат старых добрых времен, ныне канувших в Лету. – Ну же, входите. Больше никто вам здесь не поможет, это точно.

Райх по-прежнему видел лишь темноту, хотя теперь в ней начал вырисовываться контур какой-то пещеры. Затем он услышал далекий плеск воды, будто тьма скрывала от него побережье во время прибоя или какую-то подземную реку. Вдруг на черном фоне коридора ясно проявились белые нити паутины. В их плену корчился новорожденный с длинными конечностями, енкоторые состояли из сегментов разной длины, разделенных суставами. Внезапно новорожденный улыбнулся, обнажив острые пластины, напоминавшие китовый ус. Потом испустил отчаянный крик и упал вперед. Райх с воплем отскочил.

Пациент стоял перед ним, скрестив руки на груди. Он казался очень высоким. Что это за одеяние? Райх попытался его рассмотреть, но ничего не вышло: в тот же миг острейшая боль пронзила переносицу. Он лишь увидел широкую черную накидку, развевающуюся от невидимого ветра, и еще что-то белое, доходящее почти до пола. Затем новый приступ боли заставил Райха закрыть глаза.

– Мне не нужен врач.

Металлический голос незнакомца вернул доктора к действительности. На всякий случай он открыл только один глаз, стараясь распахнуть его как можно шире. Кокс исчез, а коридор

превратился в пещеру, озаряемую слабым светом. На стенах виднелись тени огромных насекомых, возможно тараканов, которые наползали друг на друга. Но все внимание приковывал к себе гость, его лицо выделялось, как барельеф на ровной поверхности.

Райх попытался преодолеть смятение и рассмотреть незнакомца. Измученное и суровое лицо, не жестокое, но без всякой доброжелательности. Глубокие морщины делали черты еще более резкими. Тонкий рот с едва видимыми губами, не знающими, что такое улыбка. Глаза ледяные, отстраненные, периодически вспыхивающие отблесками внутреннего жара, подавляемого усилием воли. Общий облик гостя выдавал в нем обладателя острого, но холодного ума, будто наблюдающего за происходящим со стороны.

– Я не совсем врач, – уточнил Райх, закончив изучать гостя. – Я был врачом. Сейчас я просто один из заключенных в Льюисберге[1].

– Ваша жизнь меня не интересует. Мы тратим время впустую. Что вам от меня нужно?

Райх ответил не сразу. Его вниманием завладело странное явление: тень незнакомца пересекала всю камеру и заканчивалась под койкой, где, как вдруг ему показалось, извивался целый клубок каких-то омерзительных созданий. Черви? Змеи? Непонятно. Очертаниями загадочный сгусток напоминал мозг, но в движении, будто каждая извилина жила собственной жизнью.

Если это кошмар, то довольно странный. Непохожий на те кошмары, которые снились Райху обычно. Его никогда не пугали ползучие создания. Неужели этот человек смог вторгнуться в его воображение?

Доктор вздохнул.

– Я вас сюда не звал. Кокс говорит, вы боитесь шизофрении. Это правда?

Незнакомец чуть прикрыл темные глаза, которые при этом вспыхнули.

– Шизофрении? – пробормотал он. – Что вы понимаете под этим словом?

Неожиданно Райх понял, что собеседник говорит на совершенно незнакомом языке. Но почему тогда он понимает каждое слово? Впрочем, рассуждения пока лучше отложить. На стенах камеры проявлялся целый сонм бледных лиц, которые пристально смотрели на него бутылочно-зелеными глазами. Одновременно глухая, но мучительная боль поползла сквозь внутренности. Пора положить конец этому странному разговору.

– Не будем обсуждать психиатрическую терминологию. Просто ответьте на мои вопросы. Не чувствовали ли вы себя во власти посторонних сил, враждебных или благожелательных? Вы слышите голоса? Приказы? Вы чувствуете угрозу от чего-то или кого-то?

Глаза собеседника еще больше сощурились.

– Нет.

– У вас нет ощущения, что внутри вас что-то шевелится? Не знаю, черви…

Выражение лица незнакомца резко изменилось, отразив на какое-то мгновение непередаваемый ужас. Но вскоре он пришел в себя, и от былого смятения осталась только недовольная гримаса губ.

– Почему вы спрашиваете?

– Ощущение, что в животе или в мозге ползают черви, – тоже один из симптомов шизофрении. – Теперь Райх был уверен, что страх перед ползучими существами принадлежал незнакомцу, а не ему. Стало легче. Он бросил осторожный взгляд на пространство под кроватью. Копошение еще продолжалось, но контуры становились размытыми. Вот-вот все исчезнет.

– Я спросил, что вы называете шизофренией. Ответьте, пожалуйста.

– Ну, это не так просто… – Райх задумался, надо ли раскрывать гостю медицинские тонкости до того, как станет ясна вся картина. В прошлом с какими-то пациентами он обсуждал

[1] *Льюисберг* – город в Пенсильвании, США, в котором располагается федеральная тюрьма строгого режима. *(Здесь и далее прим. пер.)*

диагноз, с другими нет. Обычно шизофреники готовы к разговору о природе болезни, которой страдают. Но то были пациенты, а этого типа он точно не собирался лечить, так что решил ответить уклончиво.

– Обычно шизофренией называют раскол между телом и сознанием. Когда у «я» больше нет точного положения в пространстве. Понимаете?

– Нет. Если только ваше «я» не означает дух или душу. Означает?

– А есть разница между духом и душой?

Незнакомец усмехнулся.

– Вы кажетесь образованным человеком, а при этом не знаете элементарных вещей. Думаю, мне лучше уйти.

– Я вас и не держу! – Возмущение только усилило боль, которую доктор ощущал уже везде, особенно сильно в животе. На стенах и даже на потолке камеры появлялись дыры – черные туннели, – которые вели неизвестно куда. Из них доносился рокот волн, на который Райх обратил внимание еще раньше, но теперь усиленный бурным клокотанием и далеким эхом. Бледные многоглазые создания высовывались то из одного, то из другого туннеля, но прятались так быстро, что доктор не успевал разглядеть, как они выглядели.

Райху стало совсем плохо. Он посмотрел на мутную фигуру перед ним и покачал головой.

– Послушайте, я очень устал. В прошлом я был психиатром и психоаналитиком, но в последние годы больше занимался биологией и физикой. Если вам нужна помощь, обратитесь к кому-нибудь другому.

– Мне не нужна помощь!

Голос прозвучал так яростно, что Райх заинтересовался, забыв о собственной боли. Впервые он обратил внимание на сонную артерию и на грудину посетителя. Они были неподвижны и напряжены, словно не пропускали сквозь себя никакого дыхания.

– Может, вы отвергаете любую помощь, потому что боитесь людей? – спросил он тихо. – Почему вы боитесь любого контакта?

По жесткому, застывшему лицу разлилась ярость, но, вопреки ожиданиям, гость не взорвался, а, напротив, заговорил с ледяным спокойствием, четко выговаривая каждое слово:

– Я ничего не боюсь. Кто повинуется божьей воле, не боится ни людей, ни демонов.

– Значит, вы считаете, что у вас есть миссия? Что вы повинуетесь чьей-то воле? – спросил Райх, помимо своей воли увлекаясь разговором.

– Конечно у меня есть миссия. Вас это удивляет?

– Нет, просто…

– Видимо, вы считаете, что следовать призванию и повиноваться высшей воле – симптом так называемой шизофрении?

Гость обладал поразительной ясностью ума. Райх замешкался, прежде чем ответить:

– В каком-то смысле.

– Тогда ответьте мне четко и ясно, без недомолвок. Что для вас шизофрения?

Тон вопроса не позволял уйти от ответа.

– Классический психиатр описал бы шизофрению примерно в тех же словах, что я использовал раньше.

– Я спрашиваю: что это такое для вас?

– Скажем так… Это потеря контакта с жизненными потоками собственного тела. При этом человек осознает, что жизненная энергия существует, просто он ищет ее источник вне себя: это может быть внешняя сила, какое-то божество, голоса или демоны. – Райх задумался, поймет ли незнакомец следующую мысль. – В каком-то смысле у шизофреника даже есть преимущество перед homo normalis, «обычным» человеком. Ведь последний даже не знает, что эти потоки существуют. Шизофреник, в отличие от него, это понимает, но не может их локализовать.

Тут же сотни белесых склизких существ высунулись из продырявивших всю камеру тунелей, покачивая влажными клешнями. Одновременно невесть откуда раздался хриплый голос охранника Кокса.

– Сеанс окончен. Доктор Райх, возвращайтесь на койку.

Тело незнакомца исчезло в тот же миг. А вот его суровое лицо осталось висеть в воздухе, успев задать вопрос:

– Что представляют собой потоки, о которых вы говорите?

Затем оно тоже исчезло.

Райх повернулся к Коксу, схватившись за живот и корчась от боли. Теперь у тюремщика было лицо теленка с тремя парами глаз, расположенных возле ноздрей.

– Что это был за тип?

– А, это судья.

– Да, по нему видно.

Кокс громко вздохнул, затем рассмеялся.

– Вы его не узнали? Это не просто судья. Это ваш судья.

Райх от изумления раскрыл рот.

– Так это судья Суини? Или Джон Клиффорд?

– Ни тот ни другой. Его зовут Эймерик. Николас Эймерик.

Вокруг Райха стало совсем темно. На ощупь он добрался до койки и упал на нее. Через секунду его подушка пропиталась запахом рвоты.

2. Дети будущего (I)

Мильтон Сид пробрался в середину спортзала, протирая сонные глаза. Многие ребята уже приняли позу для медитации: скрестив ноги, правая ступня на левом бедре, а левая – на правом. Конечно, ненавистный лотос!

Уже через пару минут все тело начинало ныть, а мышцы пресса болели невыносимо. Но, кажется, это единственный способ достичь «сатори», полного исчезновения «я». А без достижения «сатори» в старшие классы не переводили.

– Сид, как всегда, последний! – сказал инструктор Реншоу без злости или раздражения в голосе. – Некрасиво заставлять товарищей ждать.

Мильтон поклонился, потом устроился на своем обычном месте, между Джоном Даннингом и Бобом Линкольном. Случайный взгляд на пухлого Даннинга чуть не вызвал у него улыбку, настолько нелепо тот смотрелся в оранжевой тунике, на которой уже проступили пятна пота. К счастью, он сдержался. Инструктор как раз смотрел в их сторону.

– Представьте себе колодец, – сказал Реншоу, убедившись, что студенты сели в шесть ровных рядов. – Колодец, который начинается от вашей головы и уходит вниз, глубоко в землю. Теперь вдохните, задержите дыхание. Вот так, хорошо. Резкий выдох. Бросьте в колодец монетку. Считайте в уме: раз…

Мильтон машинально следовал за образами, но дышал как попало. Зоркий глаз Реншоу сразу заметил, что движение грудной клетки мальчика выбивается из общего ритма.

– Кажется, мы сегодня витаем в облаках, Сид. – В голосе не было упрека, просто констатация факта. – Ты плохо вдыхаешь и слишком часто выдыхаешь. Нужно задержать воздух в легких, а потом резко выдохнуть, до конца. Вы продолжаете считать? – обратился он к остальным. – Один выдох, одна монета, одно число. Сколько уже? Три. И еще одна монета. Скоро вам придется считать самостоятельно.

Мильтон подстроился под дыхание одноклассников, но даже не пытался считать монеты. Упражнение казалось глупым, и его вовсе не утешала мысль, что ровно то же самое вместе с ним проделывали тысячи американских школьников по всей Новой Федерации. Ему объясняли, что если сосредоточиться на монетах, то в какой-то момент потеряешь им счет – значит, «сатори» совсем близко. Может, так и есть, но Мильтон не был уверен, что ему так уж хочется отрешиться от самого себя. Все это называли медитацией, но, как заметил отец, когда они виделись в последний раз, в итоге всё сводилось к пустой голове. Получается, истинная цель упражнений – ни о чем не думать и самому стать ничем. По крайней мере, так говорил отец, хотя ему не всегда можно было доверять.

В зале стояла тишина; Реншоу тоже присоединился к ученикам, делавшим упражнение. В старших классах в этот момент появлялись служители с палками. Они били по спине самых сосредоточенных, чтобы проверить, насколько те смогли отстраниться от реальности. Мильтон не был уверен, что позволил бы себя ударить, но в любом случае еще неизвестно, переведут ли его в старшие классы. Он слегка вздохнул и принялся смотреть в окно: за деревьями под ярким солнцем сиял залив Сан-Франциско.

Зазвенел колокольчик: значит, упражнение закончено. Все встрепенулись, словно очнувшись от сна, и начали подниматься – без помощи рук, опираясь на одно колено, как предписывали правила. Джон Даннинг опасно покачнулся, не совладав с собственным весом, но удержался на ногах. Реншоу, скорее всего, заметил секундную потерю равновесия, но закрыл на это глаза.

Мильтон сложил тунику в шкафчик, надел голубую школьную форму и уже собрался идти в столовую с другими учениками, но тут его настиг бесстрастный голос инструктора:

– Сид, думаешь, я забыл о твоем поведении? Опоздание и небрежное выполнение упражнения! Мне жаль, но ты получаешь позорную метку.

У Мильтона от стыда покраснели уши.

– Простите, инструктор. Потом я исправился…

Реншоу пристально посмотрел на него холодными рыбьими глазами.

– Неправда. Ты все время отвлекался, я же видел. А теперь ты еще недоволен. Уже этого достаточно, чтобы заслужить взыскание.

Он достал из кармана фиолетовую карточку. Мильтон знал, что там написано. «Мое поведение недостойно ученика славной Школы талантов под патронатом компании „Стил Энерджи“». За три карточки вручали ослиные уши и выставляли на всеобщее обозрение во дворе; за шесть отчисляли из школы; за девять отправляли в Лазаретто без шанса вернуться. Он доходил максимум до двух. Ну ничего. Сид покорно подставил спину и позволил инструктору прилепить метку.

Как того требовал ритуал, остальные выстроились в две шеренги, пропуская провинившегося; лица были серьезны и выражали лишь недоуменную скорбь, единственную дозволенную в школе эмоцию. Только на совершенно черном лице Боба Линкольна промелькнула тень сочувствия, но он сразу спохватился и громко чихнул, чтобы отвлечь внимание. Реншоу остановил на нем взгляд, но затем отвернулся.

Затем все отправились в столовую, больше похожую на оранжерею из-за расставленных повсюду кадок с папоротником и огромных окон, выходящих на ярко-зеленый парк. Завтрак, как обычно, состоял из мультизлаковой каши. Вместе с обедом и воскресным ужином, завтрак был одним из редких моментов, когда ученики Школы талантов могли пообщаться друг с другом. Ребята уселись за длинные столы, толкаясь и шумя, но оставаясь в рамках дисциплины. Реншоу передал свою смену мисс Грин, которая сразу сделала себе пометку о том, что Сид успел получить замечание.

С одним взысканием тебя еще не отсаживали от всех и не заставляли хранить молчание, так что Мильтон сел между Джоном Даннингом и Фредом Маркандом, своими соседями по спальне. Разговаривать ему не хотелось, но позорная метка стала событием дня. Фред сразу зацепился за эту тему.

– Мне кажется, Реншоу погорячился, – заметил он, просто чтобы завязать разговор. – Но, Сид, нужно быть повнимательнее. Сразу видно, что тебе плевать на школьные правила.

Мильтон чуть пожал плечами, стараясь сделать движение едва заметным.

– Настолько плевать, что вряд ли я доучусь до старших классов. Но, если позволишь одну ремарку, тебя это не касается, Марканд.

– Конечно касается! – Фред понял, что, увлекшись, повысил голос. Он украдкой взглянул на мисс Грин и продолжил уже тише. – Очень даже касается. Хватая метку за меткой, ты автоматически оказываешься в невыгодном положении на уроке. В итоге нарушается здоровая конкуренция. Если позволишь одну ремарку.

– Я не хватаю метку за меткой. Я ни разу не получал больше двух.

– Но ты отлично знаешь, что в любой момент можешь получить сразу шесть, а то и девять. Если позволишь одну ремарку… Вдруг все узнают о тебе и той дурочке… Как ее там? Сибилла?

Уши Мильтона стали пунцовыми. Сердце бешено колотилось. Он поглядел по сторонам.

– Как ты узнал? – спросил он слишком пылко.

Лицо Фреда было бесстрастным, но в глазах плясали злорадные искорки.

– Может, видел, как ты передал ей записку? Или мне сказал Боб Линкольн, которому еще кто-то сказал?

Мисс Грин, судя по всему, что-то заметила, так как встала из-за столика, за которым завтракала в одиночестве, и направилась к ним. Лицо, расчерченное сеткой морщин, приняло озабоченное выражение.

– Что-то не так?

Мильтон затаил дыхание, а на лбу у корней волос выступили капельки пота. Любое общение с противоположным полом было строго запрещено до восемнадцати лет, а ему исполнилось всего четырнадцать. Одно слово Марканда, и он пропал. Но Фред собирался и дальше издеваться над Сидом, так что донос не входил в его планы.

– Нет-нет, мисс Грин, – сказал он слегка развязно. – Просто Сид получил предупреждение, и ему очень стыдно.

– И правильно, – заметила мисс Грин торжественно и печально. – Стыдно проявлять неблагодарность по отношению к тем, кто помогает восстанавливать страну. Правда, Сид? – И, не дожидаясь ответа, она удалилась за свой столик.

Джон Даннинг покачал головой.

– Может, надо было сказать ей. Это же наш долг?

– Нельзя, – ответил Фред. – Это могут счесть актом неприязни, и тогда нас тоже накажут. Видишь, Сид, во что ты нас впутал? Если позволишь такую ремарку.

Мильтон рассматривал кашу на тарелке, не поднимая глаз на товарищей. Фред явно хотел его спровоцировать на вспышку гнева. Ничего не выйдет. Он доел кашу молча. Наконец-то звонок возвестил об окончании завтрака.

Когда он вышел во дворик, чтобы попасть на тренировку по тхэквондо, было уже восемь утра и воздух начал прогреваться. Он с любопытством рассматривал небольшую группу ребят с ослиными ушами, стоявших чуть поодаль, перед пятиугольным корпусом естественных наук. Школьники выстроились в два ряда, одни лицом к флагу «Стил Энерджи», другие спиной. С такого расстояния он не мог разглядеть, кого именно наказали, но среди них пару раз мелькнула розовая униформа. Церемония ослиных ушей – единственный момент, когда мальчики и девочки оказывались рядом, испытывая одинаковое унижение.

Мильтон неохотно вошел в зал. Тхэквондо ему совсем не нравилось. Все эти бестолковые прыжки и пинки. Хороший боксер нокаутирует любого из этих придурков в момент. Так говорил отец, когда смотрел турниры по телевизору в майке на диване, с банкой пива в руке. Может, он неправ, но все же выглядит тхэквондо ужасно нелепо. Даже японское каратэ было бы лучше: строгое, эффективное. Но в школе предлагали выбор только между тхэквондо и еще более пресным тай-чи.

Следующие полчаса он неохотно выполнял движения тулей[2] Чон-Джи, До-Сан и Юль-Гок. После тренировки ноги дрожали и ныла спина. Джону Даннингу было еще хуже, он вспотел и хватал воздух, как рыба, которую вытащили из воды. Сид вспомнил, как толстяк предлагал на него донести, и почувствовал тайную радость, глядя на его плачевное состояние. Конечно, сообщать о неподобающем поведении – первая обязанность каждого ученика, но…

Пора было спускаться к корпусу естественных наук, ученики построились в колонны под руководством наставника Гродена, щуплого типа с рассеянным лицом. Но сначала им предстояли плевки в ребят с ослиными ушами. Ученики, которым позволили смотреть на флаг, получат плевок в спину, а остальные, особенно сильно провинившиеся, – прямо в лицо. Гроден задал тон, метко попав в спину парнишки из младших классов, сотрясавшегося в беззвучных рыданиях, и перешел к следующему.

Мильтон готовился последовать его примеру, дожидаясь своей очереди. Быстрый взгляд Фреда, полный злорадства, должен был его насторожить, но Мильтон не придал ему особого значения. Он наградил плевками первых наказанных, без неприязни, почти не глядя на них. Вдруг сердце яростно заколотилось. Прямо перед ним, в нелепом колпаке, натянутом на длинные каштановые волосы, стояла Сибилла. Его Сибилла! Нежное личико было залито слезами и запачкано слюной, настолько густой, что она стекала на шею пенистыми ручейками.

---

[2] *Тиль* – комплекс атакующих и защитных движений, выполняющихся в определенной последовательности.

Он посмотрел в ее мокрые от слез глаза, и ему тоже захотелось плакать. Но нельзя, тогда он навлечет беду на них обоих. На секунду Мильтон застыл, затем почувствовал на себе насмешливый взгляд Фреда, стоявшего у входа в здание. Он плюнул, но слабо. Слюна долетела лишь до груди девочки, попав на маленькие выпуклости, которые так будоражили его воображение. Он почувствовал себя жалким червем – теперь придется плюнуть еще раз. Во второй раз плевок попал в волосы. Покончив с процедурой, Мильтон побежал прочь, к входу в школьный корпус. Никогда в жизни он не испытывал такого смятения.

Фред дожидался одноклассника у порога, но, поймав его взгляд, инстинктивно отступил. Мильтон прошел по коридору как робот, не понимая, что делает. Он чувствовал, как внутри поднимается волна отчаяния, захлестывает его, как в этом потоке тут и там проявляются вспышки ярости. Чтобы не начать всхлипывать, ему пришлось прикусить нижнюю губу до крови. Нельзя плакать ни в коем случае.

Немного придя в себя, он успел проскочить в класс за секунду до того, как закрыли двери, и занять привычное место за последней партой. Лицо Мильтона вдруг посветлело. Ему в голову пришла мысль. Бредовая. Совершенно бредовая. Но надо попробовать. Сколько длится наказание с ослиными ушами? Обычно до обеда. Да, можно успеть. Но нужно быть очень осторожным.

Первый час урока по управлению предприятиями он был занят своими мыслями. Наставник Селлик, сосредоточенный на объяснениях, все занятие рассказывал о стратегии Тайити Оно[3], трансформировавшего производственную систему «Тойоты». Не все его решения, говорил Селлик, применимы сейчас; и все же Новая Федерация у своих истоков взяла за образец именно этот дух, понимая, что только так американцы смогут восстановить экономику и бросить вызов азиатскому превосходству. Увы, этого пока не поняли две другие федерации, возникшие после распада Соединенных Штатов.

Мильтон уловил лишь отдельные фразы учителя и сложил их в каком-то дальнем уголке сознания. Все его усилия были направлены на усовершенствование придуманного им плана. От нетерпения его даже немного трясло. Шанс мог представиться на следующем уроке, будет компаративная история, и там наставник всегда задает вопросы.

Прозвенел звонок, Селлик уступил кафедру наставнику Питту, поприветствовав того кивком головы. Мильтон всмотрелся в знакомое лицо учителя истории. Сквозь маску бесстрастности на чисто выбритом лице иногда проглядывали мягкость и участие, выдававшие внутреннюю доброту, которую не до конца задавила учительская строгость, навязанная правилами школы. Питт никогда не назначит чрезмерно сурового наказания; в отличие от Реншоу, он просто будет следовать регламенту, опираясь на здравый смысл. Именно такой наставник нужен Мильтону, чтобы рискованный эксперимент удался.

Прошло пятнадцать минут урока. Питт наконец-то включил электронную доску, нажав кнопку на небольшом пульте. Большой экран за его спиной засветился, на нем появились фамилии тридцати присутствующих учеников, и напротив них – пустые клеточки до графы с итоговой оценкой.

Питт изучал список, пока весь класс, затаив дыхание, пытался угадать траекторию его взгляда. Потом сказал:

– Кюнен? Готов отвечать?

Худенький парнишка со светлыми, почти белыми волосами вскочил на ноги.

– Да, наставник!

– Начнем с самого простого. Назови другие американские федерации.

Напряжение, сковавшее ученика, сразу отступило. Это даже слишком просто.

---

[3] *Тайити Оно* (1912–1990) – японский инженер и предприниматель, предложил принцип повышения эффективности за счет минимизации потерь. На этой основе позже была сформулирована концепция бережливого производства.

– Союз Американских Штатов, САШ…

– Столица?..

– Нью-Йорк.

– И?..

– Конфедерация Свободной Америки, КСА, со столицей в Атланте.

Питт обвел глазами класс.

– Как вы оцениваете ответ? Все правильно?

Большинство закивало. Однако Роберт Серафьян поднял руку и встал.

– Ответы правильные, но слишком общие, если позволите мне ремарку. Кюнен мог бы еще сказать, что у трех федераций разные конституции, но общая армия и полиция. Уверен, он просто этого не знал. Прошу прощения за критику.

Кюнен не смог скрыть досаду:

– Неправда, я знал. Просто наставник Питт об этом не спрашивал.

Серафьян покачал головой.

– Позволю себе заметить, что это бездоказательно. Теперь, конечно, ты знаешь, но только потому, что я тебе сказал.

– Ничего подобного. И я могу доказать. Три федерации раньше были одной страной, которая называлась Соединенные Штаты Америки. Последнего президента звали Дойл, и он умер девять лет назад от серповидноклеточной анемии.

Питт кивнул с довольным видом.

– Молодец, Кюнен. К сожалению, не могу сказать того же о тебе, Серафьян. Твое замечание было неуместным, и ты просто хотел покрасоваться. – Питт нажал несколько клавиш на пульте управления. В клеточке напротив фамилии Кюнена появился плюсик, а напротив фамилии Серафьяна замигал минус. – Но никогда не поздно исправить оплошность. Теперь отвечаешь ты. Расскажи своими словами, что такое серповидноклеточная анемия.

Паренек заметно поник, но начал отвечать:

– Серповидноклеточная анемия – это наследственная гемоглобинопатия, при которой…

Питт покачал головой, палец угрожающе потянулся к кнопке на пульте.

– Я же сказал «своими словами». Не надо повторять мне описание из учебника.

Серафьян немного смутился, но быстро справился с собой.

– Ну, это болезнь крови. Раньше ей болели только цветные, но потом, десять лет назад, она распространилась на другие расы и убила четверть населения Америки.

– Почему она распространилась?

– Из-за… – Серафьян потянулся почесать затылок, но отдернул руку. – Из-за промис…

Слово никак не шло в голову.

Другие ученики уже тянули руки:

– Из-за промискуитета!

– Правильно. – Пальцы наставника забегали по кнопкам, и на доске напротив фамилии Серафьяна появился второй минус. Весь красный от унижения, тот тихо сел на место. Питт обратился к Бобу Линкольну, который был среди учеников, давших правильный ответ.

– А что такое промискуитет? В этот раз дайте определение из учебника.

– Промискуитет, – затараторил по памяти Линкольн, – это неизбежное следствие потери контроля над инстинктами.

Питт кивнул.

– Вполне достойный ответ. Что скажете? – Он уже почти нажал на кнопку пульта, когда Мильтон решил, что время пришло. Он с сомнением покачал головой. Питт сразу заметил этот жест.

– В чем дело, Сид? – спросил он удивленно. – Может, у тебя есть определение получше?

Мильтон сглотнул.

– У меня есть свой вариант.

– Да? Ну поделись с нами.

Мильтон вдохнул и собрался с духом.

– Промискуитет – это когда белые, черные, азиаты и краснокожие сношаются друг с другом, из-за чего кровь перемешивается и загрязняется.

Питт застыл в изумлении. В классе повисла тишина, которая быстро сменилась все нарастающим ропотом.

Наставник взял себя в руки, хоть и с некоторым трудом. Он старался говорить спокойно:

– Ты меня огорчаешь, Сид! Не ожидал от тебя такой выходки. Где ты научился таким грубым выражениям?

Мильтон собрал волю в кулак и продолжил лезть на рожон.

– Но это правда. Если позволите мне одну ремарку, зараженная кровь передается во время секса!

Он добавил к своим словам деланый смешок, от которого ему почему-то стало легче.

Питт надвинулся на него, стараясь скрыть возмущение.

– Встань, Сид! Повернись спиной. – Он пошарил в кармане, достал оттуда две фиолетовые метки и прилепил Мильтону на спину. – Поздравляю! Уже получил одно замечание, а теперь еще заслужил ослиные уши. Если позволишь мне ремарку, поводов для гордости тут мало.

Он открыл дверь и позвал служителя.

– У этого мальчика три замечания. Отведи его во двор к провинившимся, пусть получит позорный колпак. И поставь его спиной к флагу.

Пока сильные руки тащили его прочь по коридору, Мильтон успел услышать, как Джон Даннинг простодушно спрашивает Питта:

– Наставник, а что значит «сношались»?

Натянув колпак с ослиными ушами, Мильтон присоединился к наказанным, все еще стоявшим под палящим солнцем. Он сделал вид, что споткнулся, и, пролетев вперед, оказался прямо возле Сибиллы. Служитель ничего не заподозрил. Мильтон украдкой взглянул на девочку. В ее взгляде читались удивление и радость. Насчет радости, правда, он был не так уверен: лицо девочки покрывал слой слюны, а глаза опухли от слез. Ему тоже достанется хорошая порция плевков, но уже после уроков, когда ученики пойдут на обед.

Он не решился смотреть на Сибиллу дальше. Служитель время от времени выглядывал из-за дверей, чтобы проверить поведение ребят. Но через некоторое время он все же улучил момент, чтобы улыбнуться девочке. Она улыбнулась в ответ, мягко и радостно. Мильтон забыл об ослиных ушах и о неприятной процедуре, которая ему предстояла. Уже много лет он не был так счастлив.

В последующие часы они еще не раз успели обменяться улыбками, краткими, мимолетными, но полными тепла. В какой-то момент Мильтон заметил, как девочка с опаской сунула руку в карман розового пиджака. Как и все ученицы, она носила розовую юбку и пиджак того же цвета. Она что-то искала, очень медленно и осторожно. Мильтон бросил встревоженный взгляд на служителя, но тот изучал заросли боярышника. Вдруг он почувствовал легкое прикосновение к правой руке. Мильтон вздрогнул. Если кто-то заметит, их обоих могут отчислить. Но все же он ответил на жест, вне себя от радости. Она осторожно сунула ему клочок бумаги и сразу отдернула руку, успев погладить пальцы. Мильтон сжал кулак, напуганный и счастливый.

Оставшееся время он строил всевозможные догадки. Может, это ответ на записку, которую он написал ей пару дней назад? Но как Сибилла узнала, что они окажутся рядом? Хотя она могла написать записку заранее, надеясь, что представится случай ее передать. Он снова украдкой улыбнулся. Она улыбнулась в ответ.

Прозвенел последний звонок. Все наказанные в спешке разошлись. Остался один Мильтон, которому еще предстояло понести наказание.

Он стойко вытерпел все плевки, замерев у флагштока. К счастью, товарищи не усердствовали. Разве что Фред, но к этому Мильтон был готов заранее. Он подождал, пока пройдет последний ученик, содрал с себя колпак с ослиными ушами и помчался в туалет умываться.

В туалете больше никого не было. Мильтон долго держал голову под струей воды. Потом посмотрел по сторонам. Все чисто. Он зашел в одну из кабинок, закрылся и нажал на смыв. Потом дрожащими руками развернул записку.

Текст привел его в замешательство. Это было стихотворение или песня под названием «Дети будущего». Почерк был девчачий, скорее всего самой Сибиллы, и очень четкий.

Огонь раздуйте, пока угли тлеют,
Восстать против безумцев нам вместе суждено,
Пусть света семена в душе у нас созреют,
Мы знаем, что достоинство природой нам дано.

Мы будем дружно жить, мы подлецов прогоним
И смело победим тех, кто нас угнетал,
Пусть наша песнь звенит, мы новый мир построим,
Придут любовь и счастье, которых каждый ждал.

Вперед, мальчишки и девчонки, все вперед!
За дело нашей жизни к борьбе нас долг зовет.

Огонь раздуйте, пока угли тлеют,
Восстать против обмана нам вместе суждено,
Пускай смех и веселье душу нам согреют,
И к жизни плодотворной придем мы все равно!

Внизу было незнакомое Мильтону имя: Вильгельм Райх.

Он прочел текст еще несколько раз, потом спросил себя, не лучше ли избавиться от записки. Но она же от Сибиллы! К тому же надо будет перечитать стихотворение попозже. Он положил бумажку в карман брюк и побежал к остальным в столовую.

Ему хотелось сесть подальше от Фреда, но других мест не было. Мисс Грин посмотрела на Мильтона внимательно, но без неприязни. На обед давали сухие овощи, почти безвкусные, зато очень питательные, и вареный рис. Он начал есть с равнодушным видом, но Фред сразу полез в атаку.

– Думаешь, я не понял? Сид, если позволишь одну ремарку, ты сделал это нарочно, чтобы оказаться рядом с той дурочкой.

Мильтон пожал плечами.

– Это твои домыслы, Марканд. Прости за критику.

– Смотри, Сид. Так ты окажешься в Лазаретто среди увечных, больных анемией и преступников. Не хотел бы я быть на твоем месте.

– Так и не будь. Если позволишь одну ремарку, ты мешаешь мне есть. Хочешь, чтобы я рассказал мисс Грин о твоем злорадстве?

Угроза подействовала, Фред умолк. Мильтон доел обед и вместе с остальными учениками направился на полуденный сеанс трансцендентальной медитации. Он надел оранжевую тунику и постарался как можно старательнее выполнять указания Реншоу, хотя до дзена ему было очень далеко. Когда же вернулся к шкафчику, чтобы снова надеть форму, его пронзила тревога.

Форму заменили на новую, постиранную и отглаженную, но уже без записки от Сибиллы в кармане.

Как он мог забыть! Это была обычная практика: замена униформы на чистую во время медитаций или занятий по тхэквондо. К горлу подступил ком. Он прислонился к шкафчику и закрыл глаза. Какова вероятность того, что записку обнаружат? Если подумать, небольшая. Форму стирали в машине. В кармане останется смятая бумажка. Возможно, текст полностью смоется. Вряд ли его ждут неприятности.

Он немного пришел в себя. Сделал вид, что копается в шкафчике, потом надел чистую форму, к которой кто-то предусмотрительно прикрепил три фиолетовые позорные метки. На него никто не смотрел. Он поправил пиджак и вместе с остальными пошел в лекционный корпус.

Дневные уроки тянулись, как резина. Математика, биология, основы коммуникации. Последний предмет, посвященный техникам самоконтроля и уже устаревшей теории бихевиоризма, не сильно интересовал Мильтона, но все же он старался показать себя примерным учеником и очень хорошо отвечал на вопросы во время практической части, заслужив всего один упрек, и то довольно благожелательный, за то, что недостаточно выпятил грудь и втянул живот. Под конец совсем забыл о записке и даже о встрече с Сибиллой.

В 18:30 последний раз прозвенел звонок, уроки закончились, пришла пора свободного времени, которое школьники обычно проводили за болтовней, играми или отработкой дыхательных упражнений. Мильтон нашел в саду Джона Даннинга и Боба Линкольна, игравших на лужайке в маджонг. Не успел он опуститься на траву рядом с товарищами, как вдруг Даннинг воскликнул:

– Смотрите! Там директор. И с ним два служителя.

– Они идут сюда, – добавил Линкольн.

У Мильтона закружилась голова и застучало в висках. Он закрыл глаза, надеясь, что его страхи не оправдаются и дело совсем не в записке. Когда ученик снова открыл глаза, то увидел перед собой тучную фигуру и доброжелательное лицо директора Уилсона. Сопровождавшие его служители в синей униформе пристально смотрели на Мильтона.

– Мильтон Сид, правильно? – сказал Уилсон с легкой улыбкой. – Если ты не против, я бы хотел с тобой поговорить. Идем.

Мильтон, как во сне, пошел за тремя мужчинами, пока остальные ученики молча наблюдали за сценой. Было еще светло, но солнце уже садилось, и его прощальные лучи окрашивали воду в бухте в алый цвет.

Он не мог ни о чем думать. Они дошли до массивной лестницы перед входом в административный корпус на холме. Неподалеку, среди розовых кустов, стояли другие служители. До того как они начали подниматься, Уилсон взял его под руку. Дружеский жест, который мог себе позволить только директор.

– Не бойся, Мильтон, – тихо сказал директор с теплотой в голосе. – Я уверен, что ты не имеешь никакого отношения к этой подпольной организации. «Дети будущего», как они себя называют. Я не собираюсь отправлять тебя в Лазаретто. Просто скажи, кто тебе дал стихотворение. И все. За это я даже обещаю поспособствовать твоему переходу в старшие классы.

Мильтон поднимался по лестнице, а на глазах у него выступали слезы. Он отлично знал, что никогда не назовет директору имя. Ни за что.

3. Королевская галера

Поднимая завесу брызг и пены, все двадцать шесть весел по правому борту галеры одновременно взметнулись к небу, в то время как на противоположной стороне они с плеском разбивали волны. Огромная галера накренилась, начиная медленный поворот. Треугольный парус главной мачты, единственный поднятый, заскрипел, забился, а затем вывернулся в другую сторону. Из трюма донеслось испуганное ржание сотни лошадей.

На верхней палубе в нескольких шагах от вице-адмирала Уго де Кардоны Николас Эймерик мрачно смотрел на море, крепко держась за леер. Время от времени его обдавало солеными брызгами, из-за чего белая ряса и черная накидка намокли и липли к напряженному телу. Утро выдалось солнечным и знойным, так что долетавшие прохладные капли делали жару более сносной.

Но Эймерик встречал их с плохо скрываемым раздражением, которое, впрочем, у него вызывало любое неожиданное прикосновение.

Глядя на это зрелище, вельможа из Кардоны невольно рассмеялся.

– Не унывайте, отец Николас! – крикнул он, перекрывая сильным голосом плеск волн и ритмичные удары весел. – Чем вы недовольны? Посмотрите, какой вид!

Эймерик неловко обернулся в сторону кормы, не отпуская леера. Везде до самого горизонта – мачты, паруса и весла. Под тяжестью военных орудий корабли погрузились в воду чуть ли не до линии гребцов. Готовя поход на Сардинию, Педро IV собрал более ста шестидесяти кораблей, от легких военных галер до огромных пузатых судов для перевозки лошадей. И прямо сейчас, яростно работая веслами, все они повторяли маневр королевской галеры, накренившейся, чтобы обогнуть скалу, закрывавшую вход в залив Порто-Конте.

Эймерик не сразу согласился принять участие в кампании. Но ему все же пришлось подняться на борт, потому что король проявил исключительную настойчивость, никак, впрочем, не объясняя ее причин. Все в том же мрачном настроении доминиканец гадал: для чего в военном походе на полудикий остров мог понадобиться великий инквизитор Арагона? Единственный ответ, который приходил в голову, состоял в том, что король собирался прибегнуть к его дипломатическим талантам. Но насколько полезна дипломатия, когда тебе нужно убедить феодала, чьи нравы грубы, а благородство сомнительно?

Врагом, которого собирались изгнать с острова, был Мариано IV, судья Арбореи. В 1352 году он сражался на стороне Арагона в войне против Генуэзской республики. Союзники одержали победу, хоть и не полную; однако когда правитель Арбореи намекнул на вознаграждение за верность, то получил решительный отказ от командовавшего кампанией Бернардо де Кабреры. Более того, арагонский аристократ нанес оскорбление жене судьи, каталонской даме Тимбор де Рокаберти, которой дал несколько опрометчивых обещаний, отказавшись от них уже на следующий день под давлением арагонской знати, обосновавшейся в Кальяри. Возмущенный таким вероломством, Мариано IV поднял восстание, очаги которого вспыхнули в разных концах Сардинии, и Бернардо пришлось бежать. Осенью 1353 года пал город Альгеро, а войска судьи уже подступали к Кальяри и Сассари.

– Что это за постройки? – спросил Уго де Кардона, надеясь разговорить инквизитора. – Судя по виду, им уже сотни лет.

Эймерик неохотно повернулся. За частоколом весел можно было разглядеть возвышавшиеся на берегу неровные башни из почерневших камней и извилистые дорожки между ними. Башни были еще далеко, но отсюда казалось, что в них нет бойниц. Эти громады вклинивались между скал, почти полностью перекрывая редкие горные проходы к узкой линии пляжа.

– Скорее всего, крепость. Возможно, построенная первыми жителями острова. – Инквизитор пожал плечами. – Сеньор виконт, мне совершенно нет дела до Сардинии. Если бы не приказ короля, я бы с большим удовольствием остался в Сарагосе.

– Прекрасный момент, чтобы пожаловаться Его Величеству, – засмеялся Уго де Кардона. – Смотрите, он как раз выходит на палубу.

На носу галеры возле небольшой лестницы, ведущей на помост на верхней палубе, вдали от блестящих от пота спин гребцов и правда начала собираться небольшая толпа. Рядом с Педро IV Церемонным, чьи длинные волосы уже растрепались от ветра, Эймерик заметил Бернардо де Кабреру, облаченного в богатый камзол, подобающий его званию адмирала. Там же стоял Бернат Десколь – важный чиновник из королевской канцелярии; виконт Ильи – сын одного из самых влиятельных советников короля, и еще группа вельмож, которые теснились рядом, задевая друг друга плащами и мечами.

Уго де Кардона наклонился к Эймерику, чтобы его не услышали посторонние, и весело сказал:

– Все эти господа выглядят не слишком воинственно.

Инквизитор чуть отодвинулся.

– Они вызвались участвовать в походе, надеясь приумножить свое состояние, – едко заметил он. – На месте короля я бы держался от них подальше.

Вице-адмирал рассмеялся.

– Отец Николас, вы никому не доверяете.

– Так и есть. Никому.

В этот момент их взору открылся залив Порто-Конте. Большая бухта с водой темно-синего цвета, зажатая между крутыми склонами мыса Капо-Качча и гребнем горы. Волны разбивались у входа в нее, и водная гладь впереди казалась тихой и такой прозрачной, что можно было разглядеть кораллы и заросли морских водорослей. Стайки разноцветных рыбок метались у поверхности, резко меняя направление.

Ритм гребли снова стал ровным. Гребцы с обеих сторон галеры, исполины с мощными спинами, обожженными солнцем и соленой водой, то синхронно вставали с банок, поднимаясь на приступку у ног, то снова падали назад, таща за собой тяжелые весла, изнемогая от усталости. Команды кормчего, повторяемые помощниками, звучали глухо и отрывисто.

Уго де Кардона, которого забавляло наблюдать за инквизитором, попытался возобновить разговор, но Эймерик, утомленный словоохотливостью собеседника, спустился по короткой лестнице и направился к носу галеры по боковому переходу, где толпились пехотинцы и лучники.

Пробираясь мимо солдат, которые стояли вдоль укрепленного борта, загораживая дорогу, Эймерик размышлял, обрадуются ли ему, ведь сейчас на носу находился лишь король с ближайшей свитой и самыми верными слугами. За два года управления арагонской инквизицией Эймерик не так часто виделся с королем, а вычурный дворцовый этикет делал эти редкие встречи слишком формальными. Педро IV признавал заслуги отца-доминиканца, но продолжал окружать себя советниками из числа иудеев и не давал согласия на радикальное искоренение мусульманской веры в королевстве. Эти разногласия усугублялись мнительностью и угрюмым нравом инквизитора, который предпочитал держаться в тени, но не прощал пренебрежительного отношения к себе.

Эймерик шел к группе придворных с легкой неуверенностью, но поспешил замаскировать свои колебания твердым взглядом и гордой осанкой, хотя последнюю немного портила морская качка. Инквизитор успел заметить пару презрительных взглядов и приготовился к худшему, однако когда преодолел последние ступени, его ждал совершенно неожиданный прием.

Как по команде, вельможи и придворные повернулись к нему спиной, сгрудившись возле статной фигуры короля. Эймерик, вечно снедаемый подозрениями, уже вообразил себе какой-

то заговор, но вскоре по громким и взволнованным возгласам понял, что вовсе не его появление вызвало такую реакцию.

– Боже мой! – восклицал Бернардо де Кабрера, приглаживая свою острую бородку. – Я в жизни не видел ничего подобного!

– Это чудовищно, просто чудовищно! – Эймерик узнал хриплый голос Десколя. – Сир, вам лучше вернуться в укрытие.

Инквизитор не услышал ответа короля, но, судя по всему, тот отказался. Он повернулся к придворному низкого ранга, прислужнику, который даже встал на цыпочки, чтобы лучше видеть.

– Что там такое?

– Лучше посмотрите сами, – ответил тот, не оборачиваясь.

Эймерик пробрался к борту, встал возле длинного шпирона и стал вглядываться в море. Сначала он увидел лишь пену и брызги от движения галеры, но затем смог разглядеть причину всеобщего переполоха.

Инквизитор едва не отпрянул назад. Повсюду вокруг судна, почти вровень с поверхностью воды, медленно шевелились сотни гигантских созданий с молочно-белыми спинами. Их можно было принять за погруженные в воду паруса, если бы не четко различимые длинные хвосты, яростно молотившие воду. Святому отцу показалось, что вдоль корпуса безвольно болтались хрящеватые лапы, заканчивающиеся разветвленными отростками.

– Почтенные сеньоры, не пугайтесь! – отозвался снизу один из кормчих. – Это не чудища, а обыкновенные скаты.

– Скаты? – Бернардо де Кабрера раздраженно повернулся к моряку, найдя на кого выплеснуть напряжение. – С каких пор в этих морях водятся исполинские скаты?

Его прервал крик ужаса. Одно из странных созданий зацепилось за весло и забрызгало ближнего гребца темной и густой кровью.

На мгновение все увидели, как полупрозрачная тварь извивается на краю лопасти, колотя по воздуху чем-то вроде огромных белых крыльев.

Два узких и необычайно злобных глаза, похожих на незажившие раны, на мгновение уставились на солдат и экипаж. Потом весло опустилось в воду, освободившись от пугающего груза, а скопление белесых пятен под водой постепенно рассеялось. Гребцы сбились с ритма, и галера накренилась. Многие крестились в суеверном страхе, а некоторые даже попытались покинуть скамью. Но надсмотрщики быстро навели порядок, при необходимости прибегая к плеткам. Весла снова задвигались слаженно.

Эймерик перехватил взгляд короля, который один из всей знати сохранил хладнокровие и смотрел на происходящее с иронией. Но за насмешкой все же чувствовалась легкое беспокойство.

– К счастью, у нас есть вы, отец Николас! – крикнул Эймерику Педро IV. Потом он повернулся к вельможам. – Господа, вы переполошились из-за какой-то глупости. Скаты хоть и необычные рыбы, но довольно распространенные. Вы же отважные воины.

Бернардо де Кабрера, побледневший сильнее остальных, попытался возразить:

– Но, сир, я хорошо знаю скатов, и это не…

– Это скаты, – сухо перебил его король. – А даже если и нет, с нами отец Эймерик, который призовет Бога на помощь и сокрушит любую сверхъестественную угрозу. Отец, благословите нас и благословите это море.

Инквизитор повиновался, не раздумывая. Кроме короля, все придворные опустились на влажные доски палубы, преклонив колени. Даже гребцы, которые тихо шептали молитвы, глядя в сторону носа галеры, на мгновение остановили весла. Потом все вернулось в привычную колею, как будто корабль очнулся от наваждения. Свита поднялась на ноги, опираясь о рукоятки мечей.

Море было спокойным и прозрачным. Другие корабли флота, видимо, даже не заметили странного явления, и теперь в свою очередь огибали мыс Капо-Качча, уверенно выполняя маневр. Король сурово посмотрел на собравшихся вокруг него придворных.

– Сеньоры, надеюсь, теперь вы довольны? Оставьте нас с отцом Николасом наедине и не беспокойте, пока мы не причалим. И помните – вы здесь чтобы сражаться, а не чтобы трястись при виде каких-то морских тварей.

Немного уязвленные, приближенные короля закутались в плащи и спустились с помоста. Только Бернат Десколь и Бернардо де Кабрера обернулись, чтобы посмотреть на инквизитора: во взгляде первого читалось расположение, в глазах второго застыла неприкрытая злоба.

Педро IV дотронулся до плеча Эймерика, которому стоило некоторого труда не отстраниться при прикосновении:

– Так что вы об этом думаете, отец Николас?

Эймерик посмотрел королю прямо в глаза. Они были миндалевидными и очень темными.

– Простите меня за прямоту, сир, но ваших приближенных очень легко напугать. Гребцы оказались смелее.

Король даже не нахмурился.

– Вы правы, – сказал он, стараясь говорить громче плеска весел, но не настолько громко, чтобы кто-нибудь внизу мог его услышать. – Но то, что мы сейчас видели, может быть связано с причинами, по которым я попросил вас присоединиться. Очевидно, что это просто скаты, но точно так же очевидно, что они в пять раз больше обычных.

Эймерик пожал плечами:

– Я не разбираюсь в рыбах.

– Но вы разбираетесь в демонах. – Педро IV замолчал, вглядываясь в серьезное лицо инквизитора. – Все путешествие вы меня избегали. Почему?

Тот отвел глаза:

– Я избегал не вас, сир, а вашу свиту. Я не люблю самодовольство и легкомысленность.

Педро IV слегка улыбнулся.

– Какое резкое суждение. Раньше вы были дипломатичнее. – Он глубоко вздохнул. – Вы наверняка догадались, что ваше присутствие на борту неслучайно. Если я приказал вам присоединиться, у меня был повод.

– Я как раз надеялся его узнать.

Король указал на плавную береговую линию, окаймленную белоснежным пляжем, который поблескивал под ярким солнцем.

– Взгляните на этот остров. Сардиния. Она кажется прекрасной, хоть и немного дикой. И все же там скрываются смертельные опасности. И я не имею в виду судью Арбореи и его мятежников.

Эймерик поднял бровь, явно заинтригованный.

– Тогда что вы имеете в виду?

Педро IV помрачнел.

– Точно не могу сказать. Но я слышал, что в каких-то уголках острова, вроде того, где мы сейчас высадимся, христианство поднимают на смех или просто игнорируют. Говорят, здесь пышно расцветают непостижимые уму культы, а нарушение моральных устоев стало обыденностью. Я знаю, что Мариано, правитель Арбореи, защищает не просто свою власть и власть генуэзцев.

Эймерик понял, что король настроен вести разговор по душам, и решил этим воспользоваться.

– Даже в Сарагосе есть разные нехристианские культы, однако их там терпят, – сухо сказал он.

Педро IV резко изменился в лице.

– Внутренняя политика Арагона вас не касается, отец Николас. Я говорил с вами совсем о другом. Так что воздержитесь от замечаний.

Эймерик понял, что совершил оплошность, и мысленно отругал себя за поспешность.

– Простите, сир, – пробормотал он с тяжелым сердцем, зная, что мысль об этой ошибке не отпустит его ближайшие несколько часов, если не дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.